
В.С. Библер и проблема начала логики

© 2020 г. Т.Б. Длугач

Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: dlugatsch@yandex.ru

Поступила 20.07.2019

Исходя из признания исторической обусловленности различных культур, В.С. Библер (1918–2000) делает вывод о существенных различиях в способах философского рассуждения, философских логиках. Выделяя античную и средневековую логики, он говорит о существовании в XVII–XX вв. философии как наукоучения: она опиралась на науку и воспринимала некоторые ее установки и логические принципы – восхождение, снятие, ориентацию на эксперимент. Особого внимания заслуживает библеровское понимание гегелевской логики как высшей ступени философии наукоучения. Высоко оценивая нарисованную Гегелем величественную картину движения познающего разума, Библер убеждается в том, что этот разум и его логика для Гегеля, как и для многих других философов, – единственно возможные на все времена. Отождествление философской логики с наукоучением у Гегеля Библер объясняет тем, что на протяжении трех веков наука занимала центральное место в европейском духовном богатстве и ее разум казался единственным видом разумения. В то же время Библер обращает внимание на то, что в высшей точке логического движения разума, которую Гегель считает завершением познания, он сам предлагает понять эту ситуацию. Но понимание не является познанием, а это означает, что Гегель наряду с одним разумом, разумом познания, вводит другой, причем именно там, где один завершается и превращается в другой, оба существуют рядом. Для Библиера такой вывод служит подтверждением его многолетних философских поисков обоснования идеи диалогичности разумов, новой логики – диалогии. Здесь его могучим сторонником становится М.М. Бахтин с признанием диалога культур. Библер выясняет характеристики новой логики на основе глубокого изучения современной социальной ситуации, требующей взаимопонимания разных народов и культур, а также сосредоточенности на исходных определениях бытия – гуманизме, достоинстве, смысле жизни. В результате многолетних и трудных философских раздумий Библер обосновывает тезис о возникновении соответствующей XX в. новой логики – логики не наукоучения, а культуры – и тем задает направление современным философским исследованиям.

Ключевые слова: В.С. Библер, Гегель, логика, наукоучение, диалог.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-104-113

Цитирование: Длугач Т.Б. В.С. Библер и проблема начала логики // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 104–113.

Vladimir S. Bibler and the Principle of Logic

© 2019 г. Tamara B. Dlugatch

*Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

E-mail: dlugatsch@yandex.ru

Received 20.07.2019

Based on the recognition of the historical conditionality of various cultures, V.S. Bibler (1918–2000) concludes that there are significant differences in the methods of philosophical reasoning and philosophical logics. Distinguishing ancient and medieval logics, he draws a legitimate conclusion about the existence of philosophy in the 17th – 20th centuries as science: it relied on science and perceived some of its attitudes and logical principles – ascent, withdrawal, orientation to experiment. Of particular note is the understanding of Hegelian logic as the highest stage of the philosophy of science. Highly appreciating the magnificent picture drawn by Hegel of the movement of the knowing mind, Bibler is convinced that this mind and its logic for Hegel, as well as for many other philosophers, are the only ones possible for all time. Bibler explains the identification of philosophical logic with science by Hegel by the fact that for three centuries, science has occupied a central place in European spiritual wealth and its mind seemed the only kind of understanding. At the same time, Bibler draws attention to the fact that at the highest point of the logical movement of the mind, which Hegel considers the completion of cognition, he himself proposes to understand this situation. But understanding is not knowledge, but this means that Hegel, along with one mind, the mind of knowledge, introduces the other, and it is precisely where one ends and turns into the other that both exist side by side. For Bibler, this conclusion confirms his many years of philosophical search for the justification of the idea of dialogism of minds, a new logic – dialogue. Here, M.M. becomes his powerful supporter. Bakhtin with recognition of the dialogue of cultures. Bibler finds out the characteristics of the new logic on the basis of a deep study of the modern social situation, requiring mutual understanding of different peoples and cultures, as well as focus on the initial definitions of being – humanism, dignity, the meaning of life. As a result of many years of difficult philosophical reflection, Bibler substantiates the thesis that a new logic, the logic of culture, not science, is emerging that corresponds to the 20th century, and thus sets the direction for modern philosophical research.

Keywords: V.S. Bibler, Hegel, logic, science, dialogue.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-104-113

Citation: Dlugatch, Tamara B. (2020) “Vladimir S. Bibler and the Principle of Logic”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2020), pp. 104–113.

1960-е – 1970-е годы принесли России значительный расцвет духовной культуры. Это относилось и к философии. Здесь появились такие замечательные авторы, которые по своим идеям не уступали знаменитым европейским философам. К ним относятся С.С. Аверинцев, В.С. Библер, Э.В. Ильенков В.А. Лекторский, М.К. Мамардашвили и др. Интерес В.С. Библиера был направлен на основания самого философского знания, что исключительно важно для его развития, особенно в переломные исторические моменты. См.: [Ахутин, Берлянд 2009; Длугач 2010; 2015; Ахутин 2018; Неретина 2018; Неретина и др. 2018; Тищенко 2018].

Вопрос об исходных положениях, о началах всегда встает во время формирования или коренного изменения любой теории. Во второй половине XVII в. такая задача встала

перед формирующейся новоевропейской наукой. Галилей хорошо понимал, что он закладывает иные, чем в Античности или в Средние века, определения движения, пространства и времени. Ньютон также осознал, что предлагает новые основания физики. Он полагал, что «начала» просто вытекают из нескольких важных экспериментов как абсолютно ясные и бесспорные. Отчасти эти начала – новые характеристики Вселенной и ее законов – были обдуманы и оспорены в связи с экспериментами в 1660-х гг. Декартом, Спинозой, Лейбницем, Гуком, Гюйгенсом и многими другими, отчасти же продуманы и придуманы самим Ньютоном. Он верно полагал, что ученому необязательно знать, что представляют собой по сути эти начала. Достаточно того, что они есть и что из них можно вывести все физические явления. Ньютон отказывался выяснять природу тяготения, но положил ее в основание своей динамики. Такой подход позже будет назван в философии феноменологическим, и Кант, осмысливая науку, примет его в свою критику, предложив неизвестную вещь саму по себе и вытекающие из нее известные явления.

Начиная с Ньютона, единственно верным в науке начинает признаваться такой ход мысли, когда из бесспорных оснований (начал) делаются все возможные выводы и строится целостная система знания. Главное, чтобы не было противоречия между началами и следствиями, а вопрос об истинности самих начал ученого уже не интересует. Именно дедуктивным движением мысли и ненужностью спора о началах теории наука будет отличаться от философии на протяжении почти трех веков. С ньютоновских «Математических начал» (1687 г.) принято начинать историю новоевропейской науки.

Философия обнаруживает свою зависимость от науки (как и последняя зависит от первой, складываясь внутри философской картины мира). Философия рефлектирует над наукой, наука – ее материал, и она хочет быть учением о науке, «наукоучением». Вывод, что всю философию XVII–XX вв. можно считать наукоучением, В.С. Библер сделал в 1960-х гг., и такой вывод был и верным, и продуктивным. Не только фихтерское наукоучение, но и кантовская, и гегелевская системы ориентировались на науку, конечно, выходя за ее пределы с непрекращающимся спором о началах мышления и бытия. Каждая философская логика воспринимала некоторые важные научные установки, например, на эксперимент или дедуктивно-выводное движение мысли; каждая в той или иной мере принимала принципы снятия и восхождения, столь значимые в науке. Например, отмечает Библер, никто не учит сейчас физику по работам Галилея или Ньютона – их результаты вошли в последующие научные открытия и были поняты как подготовительные ступени к ним. Произошло так называемое «снятие», за которым следует «восхождение» к более высоким уровням знания. И так постоянно движется научная мысль, восходя к более конкретному знанию.

Кант принимает в свою систему идею эксперимента; он заимствует из науки и дедуктивно-логическое движение. И все же последнее его до конца не устраивает как раз потому, что Кант – философ. Он дополняет его продуктивным воображением, так как хочет понять, чем являются для мышления его начала по содержанию, по предмету. Кант называет чувственность и рассудок началами познания – по традиции, идущей от Декарта, поэтому он уверен, что рассудок диктует свои законы природе, раз они написаны на языке математики. Да и сам априоризм у Канта стал выражением бесспорности этих начал, их невыводимости.

Кант вообще очень глубоко осмыслил экспериментальные установки новой науки: она признала, что имеет дело только с воздействием объекта на ученого, когда в ходе эксперимента формируется идеальная модель, мысленный предмет, который определяется некоторыми основными понятиями, позволяющими истолковать все явления. Из геометрических начал (движения математической точки в пустом пространстве), облеченных в конкретные физические характеристики – массы, силы и т. д., – вытекают выводы о том, как будет вести себя идеальный предмет. С реальным предметом экспериментатор дела не имеет, этот предмет не входит в теорию: он – неизвестная вещь, вещь в себе, объект вообще, как говорил Гегель, чистое бытие, фактически, ничто. Впрочем, в действительности поведение мысленного предмета позволяет человеку судить о поведении реального объекта.

Анализируя философию Канта, Библер приходит к выводу, что осмысление Кантом задач экспериментальной науки выразилось в парадоксальной, но необходимой идее разума: «Кантовское утверждение, что “фигуры”, созданные продуктивным воображением, объединенные и очищенные рассуждением, приходится в эксперименте сопоставлять с идеей предмета, следует расшифровать; это утверждение надо осмыслить, логически развернуть. Собственно, такое осмысление и есть основное дело разума, его самостоятельное дело, не сводящееся к обобщению работы рассудка и санкционированию работы воображения. Возможность сопоставления “предметов возможного опыта” с самой идеей “предметности” есть исходное, “парадоксальное” априори разума» [Библер 1991б, 124]. Здесь видно, как философские рассуждения опираются на научные и в то же время выходят за их границы: Канту требуется содержание, предмет реальный, хотя бы в виде идеи.

Эта мысль лежит в основе первой «Критики»; она определяет всю последующую стратегию кантовской философии. Фактически она касается задачи соотношения **понятия** о предмете с **предметом** этого понятия, то есть по сути дела – мышления с бытием. Кант говорит в Предисловии по второму изданию, что эксперимент чистого разума состоит в соотношении **без противоречия** явлений с вещами самими по себе. Противоречия, как думает Кант, он избежал, поскольку отнес их к разным мирам. В то же время он уточнил, что хотя опыт не имеет права выходить за свои границы, признать такое стремление законным является главной задачей философа. И хотя вроде бы предмет понятия как вещь в себе не определен, его идея необходима для познания. Выводы Канта, таким образом, на деле оказываются противоречивыми, и он вынужден обосновать их трансцендентальной логикой, скрадывающей эту антиномичность. Идея безусловного означает выход за границы теории. По Канту, это отрицание знания, «...но это отрицание есть вместе с тем утверждение некоего иного (?) отношения к миру – отношения не к его сущности, но к его безусловному **бытию**... Истинный смысл этот – не в отрицании того, что мир “познаваем”, не в “агностицизме”, но в утверждении, что к миру, как **он есть**, в его бытии (в качестве “безусловного”), я имею отношение (и я мыслю его), – или я есть, в моем безусловном бытии, моим бытием» [Там же, 136].

У Гегеля дано иное обоснование научного мышления, его предмета и всего мира. Но философия Гегеля тоже – наукоучение. Гегель делает своим предметом понятие (это начало его логики), и он принимает его за начало по той причине, что для науки целью является построение системы понятий об изучаемом предмете, да и понятие по сути дела является представителем самого предмета. Наука исходит из понятия о предмете, сначала неясного, а в конце познания вполне определенного. Гегель, как отмечает Библер, заимствует из логики науки принципы «восхождения» и «снятия». Именно у Гегеля вся история, в том числе и история философии характеризуется с точки зрения взаимосвязи ранних и последующих ступеней знания по оценке «выше – ниже». Прошлое втягивается в настоящее как его ранняя неоформленная ступень; из прошлого в настоящее входят лишь те свойства, которые близки, родственны этому настоящему, а все непохожее отбрасывается. Гегель рассматривает развитие как «восхождение» к более высоким уровням, что заканчивается на высшей ступени самосознанием теоретического разума. Заслуга В.С. Библиера состоит, в частности, в том, что он проследил и точно выяснил, какие черты логики науки воспринял Гегель и как их обосновал. Не понятие соотносится у него с предметом, а предмет – с понятием (как и у Канта), так как предмет выступает для науки в виде модели, то есть также в форме понятия. Иначе он для науки не существует. Кантовскую вещь в себе и идею безусловного Гегель заменяет ничто и абсолютной идеей. Пока предмет не познан, он для ученого **ничто**, хотя предполагается, что он все же существует, но его существование это чистое бытие. Пожалуй, ни в какой другой философской системе не выражен так патетически пафос научного мышления, как у Гегеля. Надо также сказать, что разум вообще он свел к теоретическому разуму, к мышлению. Сила логики Гегеля была такова, что и до сих пор большинство философов уверены в том, что задача разума как такового – находить сущность предметов, и по-прежнему диалектические противоречия ищут

в Античности и в Средневековье, хотя антитезис, антиномия и парадокс – совсем другие виды противоречия, а философский способ рассуждения в разные эпохи различен.

В.С. Библер отдает должное гегелевской системе: никто прежде не выразил так ясно смысл познающего разума; никто не определил так точно стадии развития научного духа от его начального, абстрактного момента до завершающей знание абсолютной идеи. Сила гегелевской логики была такова, что больше чем на сто лет в философии укрепилось мнение о существовании только одного разума – познающего. Было признано, что в другие эпохи также господствовал теоретический разум, который стремился к высшей точке, достигнув ее в гегелевской логике. Чтобы прийти к предположению о существовании других видов разума, надо было поставить вопрос о его историчности, в том числе об исторической обусловленности начал разума.

Вопрос о происхождении начал философских рассуждений, об их обоснованности должен был встать перед философами, но ни Кант, ни Гегель его не поставили отчетливо как раз потому, что ориентировались на науку, а в науке (вспомним Ньютона) они считаются очевидными. Между собой Кант и Гегель спорили: Кант принял, не сомневаясь, чувственность и рассудок в виде начал познания, добавив идеи, Гегель же обратился к понятию и духу, абсолютной идее и абсолютному духу. В.С. Библер предположил и доказал наличие разных философских способов рассуждения, философских логик, их историческую определенность. Античный способ, как он думает, ориентируется на необходимость превращения хаоса в космос. Доказательство этому – аристотелевская модель космоса как завершенной гармоничной, иерархически-упорядоченной системы. Человек Средних веков не понял бы, если бы ему предложили отыскать сущность независимых вещей; для него все вещи зависели от человека, и все они вместе с человеком были причастны абсолютному творцу – Богу. Историческое изменение способа мышления каждый раз обуславливало изменение всей картины мира (или наоборот), и философские рассуждения Нового времени начиная с XVII в. формировались как логика познания. Библер признает великой заслугой Гегеля то, что он открыл путь такого разума, показал, что знание постепенно проходит ступени абстрактного понятия, сущности, необходимости, причинности и т. д. к конкретному знанию. И такое объяснение казалось неизбежным в течение трех веков. Но в конце XX в. этот разум сменяется другим, хотя не утрачивает значения и впредь, но уже не как единственный.

Библер видит упущение Гегеля в том, что само «начало» гегелевской логики было взято некритично: понятие просто было принято за исходный пункт логики, оно не обосновывалось ничем другим, вернее, обосновывалось самим собой, собственным движением. Для Гегеля «...понятие доказывает свою истинность развитием и в конечном счете обнаружением тождественности своего “абсолютного начала” и “абсолютного конца»» [Библер 1991б, 27]. Развитие заканчивается, потому что его импульса не было и в начале. Гегель решил хитрую задачу: показал, как понятие из ничто становится чистым бытием, а из этого как из противоречия рождается все развитие. Но ведь на самом деле никакого противоречия между **ничто** и **чистым бытием** нет; поэтому развитие только называется развитием, а в действительности раскручивается то, что было заложено в начале – чистое понятие как чистое бытие. Понятие у Гегеля обосновывается своим движением, а не **происхождением**. В таком развороте логика мышления должна была съесть само мышление, заключает Библер: «...как раз в той точке, в которой определение субстанции окончательно должно было перейти в определение абсолютного субъекта (духа), субъекта-то уже быть не могло: исчезал объект мышления и деятельности (он растворялся в мысли. – Т.Д.), и “субъект” оказывался пустышкой, ему нечего было познавать и не на что действовать» [Там же, 42]. Один неизменный субъект (познающее мышление) и однопредметность (поскольку познание погружается в тот же предмет все глубже) – «вот основание, смысл логической культуры Нового времени» [Там же, 48]. Этот вывод из анализа гегелевской логики был сделан Библером на основе исследований философского способа мышления в разные эпохи и в процессе понимания идей М. Бахтина, для которого, как известно субъект деятельности всегда диалогичен, то есть субъектов по меньшей мере двое.

Выясняя для себя особенности познающего разума, его логики как логики мышления, В.С. Библер дает характеристику и другим логикам, хотя и очень коротко. Казалось бы ясно, что раз существуют разные культуры – античная, средневековая и новоевропейская, то и способы рассуждения, в том числе философского, должны быть различными. Но нет, гегелевская логика казалась единственно возможной. На самом же деле способы рассуждения различны и исторически обусловлены. Античное объяснение сохраняет всеобщий характер, ценность на все времена (всегда можно **именно так** понять мир), но оно понимает бесконечный мир только с одной точки зрения. Другую точку представляет средневековый ум. И только в Новое время разум хочет понять вещи «сами по себе», отдельно от субъекта, от гармоничного устройства мира, а именно по их сути, по сущности.

В.С. Библер считает гениальной гегелевскую идею отождествить разум вообще с познающим разумом, с научным мышлением – для XVII–XX вв. Но все изменяется в XX в. Появляется М.М. Бахтин с его идеей диалогичности феноменов культуры, что Библер связывает с появлением другого разума, который он называет разумом культуры, вступающим в диалог с прежним разумом. Правда, Библер отмечает, что в ряде мест «Логика» Гегель допускает отход от идеи одного разума: во-первых, там, где он говорит о познающем разуме как об особенном (Т. 3, раздел В. «Особенное понятие»), а во-вторых, в конце, где доказывает, что разум завершил свой путь. Здесь возникает понимание того, что познание завершено, но тогда речь идет не о познании, а о **понимании**, то есть фактически о существовании рядом двух разных разумов – познающего и понимающего (ведь понять не значит познать), и на самом деле о том, что один разум превращается в другой. С этого пункта начинаются размышления Библера о другом разуме и в связи с этим о «началах» логики вообще. Такого предложения не вносил еще ни один философ.

Гегель, хотя и дошел до признания другого разума, не захотел выяснять его смысл и цели, так как это означало бы начать новое рассуждение, новое логическое движение, обоснование другого типа логики, движения по новому логическому пути, а ему было достаточно того, что он уже сделал. Для Библера понимание стало дверью в другое логическое измерение: из логики наукоучения в логику культуры. И в этом его могучим союзником стал Бахтин. Содержание открытия Бахтина широко известно во всем мире, поэтому мы затронем его лишь вкратце. Бахтин предположил, что «снятия» нет в таком виде культуры, как искусство: Софокл не уступает свое место Шекспиру, а Шекспир – Толстому; все герои их произведений живут одновременно во все века, не теряя своей оригинальности. Так же обстоит дело с музыкой и живописью, с архитектурой и т. п. Искусство, по Бахтину, выступает моделью культуры вообще, которая всегда многозначна. Каждая культура выражает нечто специфическое, но формируется рядом с другой культурой. Диалог – вот что составляет сущность любой культуры. Поэтому, как говорил Бахтин, культуры своей территории не имеют, одна существует на границе с другой (другими).

Библер понял соотношение прошлой и настоящей философских логик не по принципу снятия, а по принципу диалога, точнее – полифонии. Каждая философская система складывается в ответ на запрос другой. В истории человеческого духа и вообще в истории человеческих свершений, пишет Библер, существуют две формы исторической наследственности:

Одна форма складывается в схематизм восхождения по линии прогресса, или – пусть даже мягче – развития. Так, в образовании, в движении по схематизму науки (но науки, понятой не как один из феноменов целостной культуры, а как единственно-го всеобщего, всеохватывающего определения деятельности нашего ума), каждая следующая ступень выше предыдущей, вбирает ее в себя, развивает все положительное, что было достигнуто на той ступени, которую уже прошел наш ум (все глубже проникая в единственную истину), наши руки и ноги (создавая все более совершенные орудия труда), наше социальное общение (восходя ко все более и более «настоящей формации»), оставляя внизу все предшествующее знание: старые орудия труда, пережившие себя формации... Они, конечно, не исчезают «в никуда», но «уплотняются», «сжимаются», перестраиваются, теряют свое собственное бытие... **Культура** строится

и развивается совсем по-другому схематизму... Существует одна сфера человеческих свершений, что никак не укладывается в схематизм восхождения... это искусство. Впервые, здесь нельзя никак сказать, что, допустим, Софокл «снят» Шекспиром, что подлинник Пикассо сделал ненужным впервые открыть подлинник (обязательно – подлинник) Рембрандта... В искусстве «раньше» и «позже» соотносительны, одновременно, предшествуют друг другу... [Библер 1991б, 281–282].

Все культуры живут одновременно в Большом времени, в бесконечности. Сервантес лучше понимается вместе с Софоклом, а Брехт – вместе с Шекспиром. То же, по мысли Библиера, происходит в философии: Аристотель и Платон не утратили значения, когда появился Кант; они нашли бы доводы, подтверждающие истинность их идей в споре с Кантом, а Кант все время спорит с ними в «Критиках». Философия, как и искусство, диалогична, полифонична.

Да и наука в наши дни становится диалогичной, уверен Библер. Она складывается уже не в виде **единственно возможного** истолкования мира, а в виде различных объяснений одной из его бесконечных граней (другими являются искусство, экономика и т. д.). Собственно, наука и раньше была диалогична, формировалась в споре другими, даже только еще возможными учениями. Физика Ньютона складывалась как отрицание другого объяснения, как «бегство от чуда», от другой, эйнштейновской науки, но не сознавала этого. Сегодня она это осознает: наука, еще недавно опиравшаяся на логику «снятия» и «восхождения», начинает включать в себя – исходя из анализа принципов соответствия и дополнительности, парадоксов обоснования математических начал, то есть начал науки, – другие толкования; она оборачивается диалогом ранних и поздних объяснений. «Наука также может и должна быть понята и развиваема как феномен культуры... как взаимопереход, одновременность, разноосмысленность различных научных парадигм, как форма общения античных – средневековых – нововременных форм ответа на вопрос: что есть “элементарность”, “число”, “множество” и т. д.» [Библер 1991б, 285]. Иначе говоря, наука начинает существовать как спор разных ответов. То, что физика Эйнштейна обосновывает ньютоновскую физику, что последняя является логическим пределом первой при минимальном значении ее характеристик, известно уже давно. Но Библер доказывает, что и эйнштейновская физика в предельном виде содержится в ньютоновской, что и эйнштейновская физика обосновывается ньютоновской.

Дело в том, что ньютоновская наука формируется, как бы отталкиваясь от того, чего не может быть, – от физики Эйнштейна. В этом можно убедиться, например, анализируя рассуждения Канта. Он еще в 1746 г. в докритической работе «Об истинной оценке живых сил», обдумывая закон инерции, предположил множество пространств и много геометрий. Однако он отказался от этого, так как признал только одну ньютоновскую физику и только одно представленное в ней пространство. Исходя из инерции, предполагающей активность покоящегося тела, нужно было отрицать соотношение с другими телами, а это означало отрицать пространство, чего не могло быть в физике Ньютона. Так что и внутри ньютоновской физики содержалась возможность физики иной, и, как ни странно, она была заключена в одном из ее «начал» – в понятии инерционного движения (см. указанную работу Канта).

Воздавая должное нарисованной Гегелем величественной картине развития познания, Библер ставит вопрос о переходе от одного типа разумения к другому, о началах логики вообще как диалогичной логики. Согласно Библиеру, рационализм сегодня не изжил себя, он лишь принимает другую форму. Необходимость обновления логики Библиер объясняет при анализе того, что представляет собой начальный ее пункт. Если мы говорим, что логика, способ рассуждения, обосновывает все наше понимание, то надо признать, что сама логика должна быть обоснована. И дело касается прежде всего ее начала. «Логично то, что **обосновано логически**. Если начало логического движения само логически не обосновано, оно не может быть логическим основанием всего логического движения» [Там же, 26]. Ну а чем же можно обосновать «начало»? Ведь постольку оно «начало», постольку ниоткуда не выводится, как думал, например, Ньютон. – Да, не выводится, если речь идет о дедуктивном выведении мысли, но возможно

и иное выведение. И Библер его предлагает: если речь идет о начале **логики**, то это касается и **начала** логики, тогда надо признать такую ситуацию **кануном** логики, когда ее еще нет, когда она только формируется. И возникает она из того, что было раньше и что для нее не является логичным, то есть фактически не-понятным, **не-понятием**. А что же может быть не-понятным для исходного понятия? – Да другое понятие, точнее, начальное понятие **другой** логики. Например, основания рассуждений Эйнштейна совершенно были бы непонятны Ньютону; у них разное понимание пространства, времени, движения; объяснения одного недопустимы для другого. И тем не менее они взаимодействуют, причем так, что обосновывают друг друга.

Далее В.С. Библер определяет новую логику как логику диалога. «Необходимо осмыслить это обоснование логики бытием как соотношение (минимум) двух логик, двух всеобщих; соотношение, протекающее в форме “диалога логик”, в форме единой “диалогички”. Без этого второго условия выход «на бытие» не может быть развит в логической форме, не может быть осмыслен как логика» [Библер 1991а, 13].

Читатель спросит: причем здесь бытие? Уточняем: «Когда я мыслю, я с той же силой формулирую то, что я понимаю в объекте, и то, что я в нем принципиально не понимаю, что является для меня изначальной загадкой, чем-то выходящим за пределы моего разума. То есть в понятие предмета столь же входит понятное в нем (объект познания как идеализованный предмет), сколь и непонятное, непонимаемое (объект познания как невозможность идеализованного предмета, как вещь в себе). И только если есть и то, и другое, мы имеем понятие, а не термин» [Библер 1991б, 152]. Но это непонятное, не-понятие и есть бытие. Вспомним: ведь и Кант говорил о незнании, о том, что критерий истины находится в вещах не поскольку мы их знаем, а поскольку мы их не знаем. И это – осмысление той экспериментальной научной ситуации, когда экспериментатор ничего не знает о самом предмете, выходящем за границы эксперимента. Именно к нему как к не-понятному, то есть к бытию (оно ведь есть не-понятие), относится начальное понятие другой логики.

Новая логика, логика **понимания**, а не **познания**, определяется теперь как диалог многих всеобщих логик, существующих во взаимодействии. И акцент Библер делает не на развитии, а на начальной точке. Здесь многие логики формируются в установке одной на другую, в той точке, где выясняется, чем рассуждения, например, Канта не похожи на рассуждения Хайдеггера, и решается вопрос, сохраняют ли первые свою злободневность. На взгляд Библиера, Кант нашел бы новые аргументы в ответ на возражения Хайдеггера, так что его логика не была бы снята, а обнаружила бы новые возможности развития.

Заслугой Библиера является, на наш взгляд, и то, что он связывает кардинальные изменения в философии с решающими изменениями в общественной жизни. Запросы последней складываются вокруг необходимости взаимопонимания и сосредоточенности на основаниях жизни. Уже в первой четверти XX в., пишет Библер, в подготовке к Первой мировой войне, затем во Второй мировой войне, в освобождении стран Азии и Африки от колониальной зависимости, в периоды засилья диктатур, локальных войн и т. п. возникают ситуации «переселения народов», растет число жертв насилия. Люди выбиваются из привычных условий существования, из нормальных форм прежнего бытия. В одном месте сталкиваются европейцы и африканцы, азиаты и американцы. Человек реже живет в своем доме и трудится на своем рабочем месте, чем гибнет в окопах и концлагерях, едет в поездах рядом со случайными спутниками. Начинает играть роль уже не социальная принадлежность, а ее изменение. Люди – волей-неволей – должны научиться понимать друг друга; они рассуждают не по принципу снятия и «выше – ниже»; не «мое понимание – лучше твоего», а приравниваются к пониманию других. Выясняется непохожесть разных способов понимания, но и необходимость понять друг друга. И при этом надо не упустить из виду главные, «начальные» толкования: что такое жизнь, смерть, успех, достоинство, человечность и т. п.

Иные смыслы вторгаются в повседневную жизнь каждого. «Человек Европы (и не менее человек Азии и Африки)... оказывается где-то в **промежутке** различных встречных и пересекающихся смысловых кривых... ни к одной человек не прирастает, он все

время остается (оказывается) наедине с самим собой... В таком промежутке ни один осмысленный поступок уже не имеет абсолютной исторической или ценностной санкции... Все эти ценностные и смысловые спектры оказываются значимыми одновременно; каждый смысл вновь и вновь претендует на единственность и всеобщность, а вместе с тем в XX веке все эти всеобщие ценностные спектры действительно **осмыслены**... только в **общении** друг с другом, только в ответе на вопрос иного смысла» [Библер 1991а, 262–263]. В XX в. сознание и мысль человека все время отбрасываются как бы к самому началу, где бытие («быть или не быть») и мысль («я мыслю, следовательно...») определяют друг друга, а вместе с тем и отталкиваются друг от друга.

Сюда же Библер добавляет и изменение в способе человеческой деятельности. Не совместный труд на коллективных предприятиях, а индивидуальная деятельность благодаря компьютеризации осуществляет свободное **общение** людей, в том числе и между странами, и между эпохами. Огромную роль начинает играть индивид в его осознании себя, в желании понять свои действия. Речь идет уже не о великих социальных потрясениях, но о новом, пусть еще совсем слабом, но ином, чем раньше, типе общения, образе жизни, поведения и действий. Значение здесь уже имеет не рабочее, а свободное время, не работающий коллектив, а индивид. Все эти изменения характеризуют трансформацию и культуры, и философии. Философия перестает быть наукоучением, поскольку наука из центра духовной жизни становится одним из ее феноменов.

Сдвиг разума в сторону взаимодействия, понимания многих разумов, сосредоточенности на их началах – вот что теперь отличает философское мышление, его логику как диалогику. Вместе с типом жизни и деятельности меняется и философия, ее логика. Гегель был прав в свое время, приняв логику познания за единственную; но уже с момента ее возникновения, по Библеру, другая логика входила в его систему, как и в любую другую, в виде рассудка, воображения, интуиции, непонятных разуму.

В статье, конечно, было опущено многое из того, что отличает библеровскую диалогику. Хотелось бы только остановиться еще на одной особенности, отличающей новую логику. В ходе нынешней научно-технической революции возрастает и количество, и роль свободного времени. Сначала оно порождает бескультурье. Но затем начинает формироваться особый социум и особый индивид, не как колесико в огромном агрегате разных частей, а как личность. Однако личность может появиться только в процессе общения с другими личностями. А они существуют в своих созданиях. В произведениях культуры. В связи с этим Библер уточняет смысл понятия культуры: она – мой духовный мир, отделенный от меня и существующий в форме произведений. Она нацелена на то, чтобы существовать после моей смерти в виде созданных мною персонажей и героев. В каждом герое воплощена личность создателя, и через них он общается со всеми людьми, общается через эпохи и страны. Читатель, слушатель разговаривает с Творцом как собеседник. «Культура – это всегда некий корабль Одиссея,.. оснащенный так, чтобы существовать вне своей территории (М.М. Бахтин: культура своей территории не имеет)... Каждая культура есть некий “двуликий Янус”. Ее лицо столь же напряженно обращено к иной культуре... сколь и внутрь, в глубь себя, в стремлении изменить и дополнить свое бытие» [Библер 1991а, 287–288].

Произведение культуры в отличие от продукта или орудия не потребляется и не изменяется – оно сохраняется в веках и нацелено на другого человека как личность, на того, кто будет понимать его героев. Исходя из библеровских принципов, можно представить, как, например, на вопрос о смысле жизни будет отвечать, споря друг с другом, Гамлет, Дон Кихот, доктор Живаго и наш современник. Или многие другие.

Для философа важно представить себе разговор между философскими героями, скажем, идеей Платона, субстанцией Спинозы и абсолютной идеей Гегеля. Задача философа теперь – показать, как в ходе спора их ответы на вопросы о смысле бытия и разумения отвергают и обосновывают друг друга. И как в таком споре аргументы одного персонажа превращаются в аргументы другого, достигнув предельной логической точки.

В.С. Библер не был кабинетным ученым. В руководимом им семинаре по изучению диалога философских культур выросло немало замечательных авторов. Здесь не только

изучали великие философские сочинения, но вели спор с идеями современных крупных мыслителей – Э.В. Ильенковым, М.К. Мамардашвили. Г.П. Щедровицким. Рассуждения Библера отличаются от привычных способов философствования, но мы уверены, что постепенно они захватят философов своей глубиной и логичностью и будет по-настоящему оценена их оригинальная точность.

Источники – Primary Sources in Russian

Библер 1991а – *Библер В.С.* Кант – Галилей – Кант. Разум Нового времени в парадоксах самообоснования. М.: Мысль, 1990 (Bibler, Vladimir S., *Kant – Galilei – Kant*, in Russian).

Библер 1991б – *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991 (Bibler, Vladimir S., *From the science of science to the logic of culture*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Ахутин 2018 – *Ахутин А.В.* Философия как логика (К столетию со дня рождения Владимира Соломоновича Библера) // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 149–159.

Ахутин, Берлянд 2009 – Владимир Соломонович Библер. Под ред. А. Ахутина и И. Берлянда. М.: РОССПЭН, 2009 (серия «Философия России второй половины XX века»).

Гутнер 2018 – *Гутнер Г.Б.* Тема другого. Философские идеи Владимира Библера в контексте XX столетия // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 168–180.

Длугач 2010 – *Длугач Т.Б.* В.С. Библер как феномен философской культуры XX века // Вопросы философии. 2010. № 9. С. 154–166.

Длугач 2015 – *Длугач Т.Б.* Диалог в современном мире: М. Бубер – М. Бахтин – В. Библер Историко-философский ежегодник 2015. С. 191–242.

Неретина 2018 – *Неретина С.С.* Библер и «нулевое время» // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 181–187.

Неретина и др. 2018 – *Неретина С.С., Тищенко П.Д., Маркова Л.А., Гутнер Г.Б., Шеманов А.Ю., Длугач Т.Б., Мурзин Н.Н.* Круглый стол «Философ и время. К 100-летию со дня рождения В.С. Библера» *Vox. Философский журнал.* 2018. № 24. С. 67–104.

Тищенко 2018 – *Тищенко П.Д.* Поэзия и поэтика жизни Владимира Соломоновича Библера (жизнь как произведение культуры) // *Vox. Философский журнал.* 2018. № 25. С. 273–284.

References

Akhutin, Anatoly V. (2018) “Philosophy as Logic (By Century since Birth Vladimir Solomonovich Bibler)”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2018), pp. 149–159 (in Russian).

Akhutin, Anatoly V., Berland, Irina E. (2015) *Vladimir Solomonovich Bibler*, ROSSPEN, Moscow (in Russian).

Gutner, Grigory B. (2018) “Theme of Other. Philosophical Ideas of Vladimir Bibler in the Context of the XX Century”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2018), pp. 168–180 (in Russian).

Dlugatch, Tamara B. (2010) “V.S. Bibler as Phenomenon of Philosophical Culture of XX c.”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2010), pp. 154–166 (in Russian).

Dlugatch, Tamara B. (2015) “Dialogue in the Contemporary World: M. Buber – M. Bakhtin – V. Bibler”, *Istoriko-filosofskii ezhegodnik [History of Philosophy Yearbook]* 2015, pp. 191–242 (in Russian).

Neretina, Svetlana S. (2018) ‘Bibler and “Zero Time”’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2018), pp. 181–187 (in Russian).

Neretina, Svetlana S. Et al. (2018) ‘Panel Discussion “Philosopher and Time”. To the 100th anniversary of the birth of V.S. Bibler’, *Vox*, Vol. 24, pp. 67–104 (in Russian).

Tishchenko, Pavel D. (2018), Poetry and Poetics of Life: Vladimir Solomonovich Bibler (Life as Work of Culture), *Vox*, Vol. 24, pp. 273–284 (in Russian).

Сведения об авторе

ДЛУГАЧ Тамара Борисовна –
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института философии РАН.

Author’s Information

DLUGATCH Tamara B. –
DSc in Philosophy, professor,
head research fellow,
Institute of Philosophy, RAS.